

**Г.В. Колпакова. Семантика языковой единицы.** Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. 216 с.

Рецензируемая монография Г.В. Колпаковой “Семантика языковой единицы” представляет собой экскурс в историю семантических учений в свете самостоятельной концепции значения, выдвигаемой автором.

Феномен значения интерпретируется в трех аспектах: лексическое значение, словообразо-

вательное значение, коннотативное значение. Лексическое значение рассматривается как понятие структурной лингвистики и как феномен когнитивной лингвистики. Г.В. Колпакова останавливается на двух принципах, являющихся основополагающими для трактовки значения в структурной либо когнитивной лингвистике.

Так, структурная лингвистика опирается на теорию компонентного анализа, избирая в качестве наименьшей, далее неразложимой единицы семантический признак (сему). Концепция значения в когнитивной лингвистике базируется на признании существования двух видов знания: семантического, языкового и энциклопедического, неязыкового. В рецензируемой работе представлен новый, комплексный подход к изучению значения: значение рассматривается, с одной стороны, как структурированная сущность, состоящая из семантических признаков, сем, с другой стороны, значение интерпретируется как целостность семантического, языкового и энциклопедического, внеязыкового знания. Несмотря на признание холистической (целостной) концепции значения многими представителями когнитивной лингвистики, вопрос разграничения семантического и энциклопедического знания остается дискуссионным, а трактовка семантической структуры многозначного слова как структуры значения, в которой все значения производны от одного, основного значения, представляется спорной. В этом случае исчезает семантическая производность значений, нарушаются семантические связи (метафорические, метонимические) между отдельными ЛСВ, утрачивается смысл этимологический анализ семантики слова.

Отечественной лингвистикой накоплен богатый опыт лексикографического отображения значения многозначных слов, в его основе лежат традиции российского языкознания, представленного трудами А.А. Уфимцевой, К.Г. Крушельницкой, К.А. Левковской, В.Г. Гака, Е.С. Кубряковой. В теории языкового знака семантика языковой единицы интерпретируется не только в плане противопоставления другим значимым единицам системы языка или обусловленности значениями единиц в речевом контексте, вопрос о значении языковой единицы (слова) напрямую связывается с проблемой соотношения значения и понятия при исследовании взаимосвязи между окружающей действительностью, мышлением и языком. С этих позиций холистическая концепция значения, трактуемого как целостность семантического и энциклопедического знания, учитывая проблематичность разграничения этих двух видов знания, едва ли оправдана. Выдвигаемая теоретическая гипотеза о синтезе семантического и энциклопедического знания, о целостно воспринимаемых впечатлениях, образах извне не лишена научного интереса, но не подтверждена анализом широкого массива экспериментальных данных.

В этом смысле исследование Г.В. Колпаковой объемного экспериментального материала – синонимических рядов в концептосфере

“Mensch – человек” в двух сопоставляемых (немецком и русском) языках является новаторским, заполняет пробел в экспериментальном подтверждении научной идеи. Г.В. Колпакова убедительно обосновывает необходимость объединения двух подходов к анализу значения: изучение его как структурированной величины, состоящей из сем, с точки зрения структурной семантики и как целостности семантического и энциклопедического знания в аспекте когнитивной лингвистики. Привлекательна попытка автора трактовать понятие синонимии в сопоставительных исследованиях в широком смысле, избирая в качестве структурной единицы анализа межъязыковой синонимии идеографический ряд, позволяющий нивелировать различия концепций синонимии и лексикографических традиций ее отражения в различных языках. Синонимический же ряд как продукт традиции лексикографического описания синонимии в отдельном языке воплощает концепцию синонимии, по мнению автора, в узком смысле слова. Введение термина “контрастивная синонимия”, обозначающего, по всей видимости, новое направление в исследовании синонимии, требует более глубокого обоснования, в частности, его отграничения от термина “межъязыковая синонимия”.

Интерес представляет и двухуровневая концепция семантических теорий зарубежных исследователей, включающая уровни семантической и концептуальной репрезентации воспринимаемой внеязыковой информации, реализованная Г.В. Колпаковой в виде двух уровней семантического анализа: 1) при исследовании синонимических рядов в отдельном языке с учетом языкового, семантического знания, т.е. знания о системе конкретного языка, и 2) изучении идеографических рядов в двух сопоставляемых языках с учетом внеязыкового, энциклопедического, “наивного” знания. Нельзя не признать правоту автора, утверждающего: “В трактовке значения отражается генеральная линия исследования, лингвистическая концепция, определяющая подход ученого к исследуемому материалу. Сегодня теорию значения правомерно рассматривать как своего рода методологию, определяющую отнесение языковедческой работы к структурной или когнитивной лингвистике” (с. 5). В этом смысле попытку Г.В. Колпаковой объединить два подхода к трактовке значения с позиций структурной и когнитивной семантики следует признать успешной.

В разделе “Понятие значения в структурной лингвистике”, самом объемном в представляемой работе, автор справедливо подчеркивает условный характер деления семантических теорий на узкие и широкие концепции значения

(с. 27–28), объясняя это многогранностью феномена значения, изменением концепции того или иного автора под влиянием новых, развивающихся направлений исследования или в результате применения иной методики исследования. Семантическая теория относится к широкой или узкой концепции значения в зависимости от “преимущественного внимания ее автора к внутрисистемному подходу к анализу значения или учета им внелингвистических факторов” (с. 28). Это замечание автора является своевременным, так как в ином случае отнесение отдельных концепций к разряду “узких” или “широких” могло бы вызвать возражения. Освещая трактовки значения многочисленных представителей структурализма, таких как Э. Косериу, М. Бирвиш, Х. Геккелер, Э. Агрикола, А. Нойберт, У. Беме, Х.-Ю. Гримм, Г.В. Колпакова останавливается лишь на отдельных работах представителей генеративной семантики (Фр. Хундснуршер, Дж. Катц) и интенциональной семантики (Фр. Кучера), что представляется не вполне обоснованным, поскольку отдельные работы не отражают всего спектра проблем, обсуждаемых данными лингвистическими направлениями. Г.В. Колпакова не ограничивается констатацией основных, общеизвестных положений семантической теории того или иного ученого, но стремится определить способ решения исследователем краеугольных проблем лингвистической семантики: определения значения слова, понятия, отражения (Abbild), референтной отнесенности, соотношения сигнификативного и денотативного значения слова, системного и актуализированного в речи значения и смысла, фоновых знаний, дефиниции семантической структуры слова и структуры лексикона (парадигматических лексических связей), понятия семантического признака и видов семантических признаков, семантической валентности и обусловленных языковым узусом ограничений, критериев разграничения полисемии и омонимии.

Не отличается точностью формулировка на с. 40 указанной работы: “Ряд немецких исследователей предлагает своеобразную трактовку значения”. На наш взгляд, здесь объединены большей частью психологические теории значения, основанные на теории поведения. Так, У. Пюшель определяет значение следующим образом: “Это установление связей между сходным поведением, похожими реакциями членов языкового коллектива и языковыми высказываниями составляет при данных условиях значение” (с. 40). К психологическим трактовкам значения с позиций теории употребления языка можно отнести также концепции Л. Блумфилда, Х. Кронассера, Э. Лай-

зи, Д. Вундерлиха. Своеобразие трактовки значения Г. Херманом состоит в определении значения как “когнитивного процесса, события”. Значение не является существованием отношения, как это следует из теории референции, напротив, “принятие к сведению, осознание такого отношения есть значение” (с. 41). Здесь же приводится дефиниция значения Г. Хермана на языке оригинала: “das Kenntnisnehmen, das Ins-Wissen-Rufen eines derartigen Zusammenhangs ist Bedeutung”.

К достоинствам рецензируемой монографии относятся не только тщательный, глубокий анализ семантических теорий на языке оригинала, но и ясный, точный стиль изложения на языке перевода. Сопровождение основных, определяющих положений или дефиниций значения немецких лингвистов параллельными цитатами на языке оригинала, как в вышеприведенном случае, не только уточняет дефиницию значения и предоставляет возможность для собственной самостоятельной интерпретации, но и демонстрирует умение автора, преодолевая переводческие трудности, находить оптимальные, верные переводческие эквиваленты. Следует отметить, что, несмотря на комплексность, многоаспектность феномена семантики и сложность восприятия семантических проблем, Г.В. Колпаковой удалось в ясной, логичной форме донести до российского читателя проблемные постановки вопросов в семантических теориях зарубежных исследователей. Оригинальностью отличается трактовка значения Э. Лайзи, определяющего слово в аспекте речевого употребления: слово – не индивидуальный, а типический (т. е. повторяющийся) акт употребления. “Условия осуществления слова – акта” в процессе номинации и есть в понимании Э. Лайзи содержание слова (с. 42–43). Д. Вундерлих опирается в своей семантической теории на исходное положение П.Р. Лутцайера о том, что изолированные слова не имеют значения, а приобретают его лишь при их включении в объясняющий контекст. Д. Вундерлих выделяет три вида значений, основывающихся на ситуации употребления и актуализирующихся в них: значение предложения, значение высказывания и коммуникативный смысл (с. 43). Г.О. Нагю, также рассматривающий не слово само по себе, а слово, реализованное в речевом акте, контексте, определяет значение как функцию. Под номинативной функцией понимается та роль семем, которая интерпретируется как “обозначающее вещь (вещественное) значение слова” (с. 44–45).

Г.В. Колпакова указывает на два принципиально различных направления в исследовании и определении феномена значения: значение интерпретируется как отношение и определен-

ное содержание сознания (Bewußtseinsinhalt, Abbild), последнее характерно для работ семасиологического направления (Д. Фивегер, В. Лоренц, Г. Вотьяк), подчеркивает преемственность данных работ и известной работы В. Шмидта "Lexikalische und aktuelle Bedeutung" (1967) в плане изучения референции, экстралингвистической отнесенности языкового знака.

В отличие от зарубежных лингвистов, утверждающих, что лексическая семантика шире учения о значении слова ввиду необходимости привлечения при трактовке многозначности и омонимии концептуального знания, отечественная лингвистика отдает приоритет значению слова, применяя для исследования семантической структуры слова зарекомендовавший себя как надежный и эффективный метод исследования компонентный анализ.

Достоинствам и недостаткам этого метода посвящен раздел "Критика теории семантических признаков (компонентного анализа)", в котором представлены точки зрения известных немецких исследователей (К.-П. Конердинга, А. Бланка, Кл. Мудерсбаха, Кл.П. Ланге и др.) относительно приемлемости компонентного анализа в качестве лингвистического метода. Подвергая критике ряд положений теории семантических признаков, ученые тем не менее вынуждены признать отсутствие в современной лингвистике метода идентификации семантических признаков, осуществляемой независимо от языковых знаков. Отсутствует метод, позволяющий ограничить число сем по сравнению с количеством лексем исследуемого языка. Главное возражение, выдвигаемое К.-П. Конердингом против теории семантических признаков, сводится к тому, что скорость, с которой происходит референционная категоризация (referentielle Kategorisierung), опровергает утверждение о наличии семантически релевантных списков признаков (с. 50). По-видимому, прототипические свойства должны интегрироваться в целостные значения, в психологическом отношении менее сложные, чем сумма их составляющих, подобные значения перерабатываются как единая когнитивная единица. Аналогичного мнения придерживаются Г. Фанзелов, П. Штаудахер. Они указывают, что концепты не могут быть описаны на основе совокупности признаков, так как выбор сем обусловлен не социальными конвенциями, а свойствами процесса познания человека, следовательно, "семы не заданы объективно изначально, а создаются в зависимости от специфики языка" (с. 50). А. Бланк указывает на двойственный характер семантических признаков. Семы абстрагируются как аспекты знания из энциклопедического знания (отождествляемо-

го в когнитивной лингвистике со значением), однако, они не отличаются от других аспектов знания. С другой стороны, семы являются различительными в рамках отдельного языка и используются для описания лексического знания в данном языке. Двойной статус сем свидетельствует о противоречии между семимическими и энциклопедическими моделями значения (с. 52). Кл. Мудерсбах акцентирует обязательное для каждой семы свойство отвечать лишь за одно различие между двумя лексемами. Слабость теории семантических признаков он видит в отсутствии метода, эксплицирующего построение семы для заданного смыслового отношения, и в "учреждении" заранее определенных множеств сем для специальных множеств лексем. Языковое представление семы не должно, по его мнению, подменять реляционный характер семы свойством вещи, так как сема, например, № 7142 могла бы обозначать "стулообразное" в отличие от "креслообразного" и "табуретообразного" (с. 54–55). Х. Дупую-Энгельхардт считает спорным статус сем, лингвистике предстоит ответить на вопрос о том, является ли сема дескриптором, метаязыковым конструктом для обозначения так называемой "различительной черты", либо она относится к когнитивным единицам. Нет ответа и на вопрос о том, описываются ли посредством сем внутриязыковые или также внеязыковые факты (с. 59–60). Лишь отдельные исследователи, например, Д. Буссе, М. Бирвиш, заявляют о своей приверженности семантике признаков (Merkmalssemantik). Д. Буссе считает компонентный анализ самым разработанным в техническом отношении методом исследования. Э. Лайс описывает архилексемы как величины, состоящие из пучков семантических признаков, и называет их "копиями без грамматики". "Чтобы представить себе архилексемы, следует думать, не прибегая к словам". Архилексемы как повторяющиеся реализации комбинаций семантических признаков представляют собой первый опыт внесения порядка в мир. С приобретением лексем, полагает Э. Лайс, мы становимся обладателями испытанных, передаваемых из поколения в поколение способов "упорядочивания нашего социального окружения" (с. 61–62).

Без сомнения, автору монографического исследования Г.В. Колпаковой удалось отразить в данном разделе широкий спектр проблем, связанных с признанием или отрицанием целесообразности применения компонентного анализа в лингвистических исследованиях. Но интерпретируя новые, не переведенные на русский язык семантические теории современных зарубежных исследователей, Г.В. Колпакова

ограничивается лишь кратким выводом констатирующего характера о “полезности выделения семантических признаков в качестве практического метода анализа семантики языковых единиц”, не уточняя своей позиции по отношению к достоинствам и недостаткам данного метода.

Содержательно насыщенным является раздел “Понятие значения в когнитивной лингвистике”, включающий анализ семантических теорий таких известных представителей когнитивной семантики, как М. Шварц, К.-П. Конердинг, Д. Вундерлих, а также теории П.-Р. Лутцайера, Фр. Хундснуршера, освещающие с когнитивных позиций концепт словарного поля. В семантической теории М. Шварц значительное место отводится описанию ментального уровня значений слов, репрезентирующего субсистему познания, а также определению отношений значений и внеязыковых референтов при семантической интерпретации. Значения в когнитивной семантике имеют статус ментальных единиц, хранимых в лексиконе, активизируемых в процессе переработки языковой информации (с. 63). В теории М. Шварц четко сформулировано отличие одноуровневой теории от многоуровневой семантической теории, способствующее размежеванию этих двух лингвистических направлений когнитивной семантики. Если одноуровневая теория не предусматривает разделения знания о мире и языкового знания при репрезентации значений в ментальном лексиконе, то многоуровневая теория постулирует различие между семантическими и концептуальными репрезентациями (с. 64). Определяющим для холистического направления в когнитивной лингвистике является невозможность разграничения языка и познания в целом, семантики и знания о мире. Язык при таком рассмотрении представляет собой, по мнению М. Шварц, не автономную систему внутри процесса познания, а открытую функциональную систему знания, составляющие которой соотносят разные типы информации из различных областей опыта (с. 64). Наличие двух уровней в семантических теориях, считает Д. Вундерлих, находит выражение, с одной стороны, в разграничении значений, обусловленных языковой системой, и концептов, дереминированных системой знания о мире, с другой стороны, двухуровневость выражается в различии значений, хранимых в лексиконе, и значений выражений, актуализированных в контексте. Следствием двухуровневости в семантических теориях является разграничение лексических значений и ситуативно обусловленных референционных значений (с. 66–67). Семантические репрезентации, в понимании Д. Вундерлиха, регулируются

языковыми принципами, концептуальные – внеязыковыми, всеобщими принципами концептуальной системы. Анализ концептуальных репрезентаций предполагает учет знания о мире и знания соответствующего контекста. В когнитивной лингвистике иную трактовку получает проблема полисемии, в ее основе лежат концептуальные сдвиги, сопровождаемые дифференциацией (с. 68).

Пристальное внимание лингвистов вызывает ментальная фаза переработки информации в человеческом сознании, памяти. В лингвистической литературе широко дискутируется проблема структурирования ментального пространства, т.е. наличие в нем концептуальных моделей (схем, фреймов, образов). Один из ведущих представителей немецкой когнитивной семантики К.-П. Конердинг отводит ведущую роль в процессах переработки информации категоризации, в основе которой лежит сравнение взаимосходных феноменов и их группировка в типы на основе общих целеустановок. К.-П. Конердинг уделяет особое внимание рассмотрению психологических особенностей человеческого восприятия. Из-за невозможности восприятия в одном акте целенаправленного внимания целостного образа и отношения части – целого возникают ассоциативные переходы от части к целому и от целого к части. В результате на основе контролирующих процессов внимания создаются ассоциативные цепи в долгосрочной памяти, составляющие основу новых категоризаций. Переплетения и инкорпорации (вложение одного в другое) схем представляют собой понятийные переплетения и образуют своего рода поля по смежности (с. 71).

Раздел “Современные семантические теории” посвящен становлению лексикологии как самостоятельной отрасли лингвистической науки в западно-европейской лингвистике. Выход в свет фундаментального издания “Lexikologie – Lexocology. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen” (Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2002) знаменует собой новый этап в развитии лексикологии. Значимыми являются исследования П.Р. Лутцайера и Т. Шиппан. П.Р. Лутцайер предлагает три трактовки словаря: словарь как собрание всех слов естественного языка, словарь как ментальное хранение лексических единиц, как накопитель грамматической информации. Дальнейший прогресс лексикологии и признание результатов ее исследования П.Р. Лутцайер связывает с конкретными исследованиями отдельных частей словаря в специфических областях, считая приоритетным направлением лексикологии переориентацию исследований от содержания к форме (Lutzeier 2002). Т. Шиппан изучает природу слова как носителя понятия, строи-

тельного элемента мысли, отмечая, что ученые, стараясь осознать суть природы человека, всегда обращались к слову (Schippan 2002). Кл.-П. Херберман указывает на необходимость терминологического уточнения языковых единиц, в частности термина слова, в связи с углублением теоретико-методологического подхода к лингвистическому анализу (Herbert 2002). Однако Дж. Лайонз употребляет термин значение без какой-либо дефиниции, уподобляя его неспециальному слову немецкой разговорной речи. Исследователь мотивирует свое нежелание определить термин значения отсутствием у большинства слов одного, четко определенного значения либо нечеткостью границ между значениями слова (с. 106). Рассматриваемые в данном разделе работы разнотематичны по обсуждаемой ими тематике. В. Мотч интерпретирует словообразовательные образцы как “пары семантико-синтаксического и фонологического-морфологического описания”, служащие образцами для исследования единиц лексикона с их специфическими формальными и содержательными особенностями (Motsch 1999). Т. Глонинг в своем исследовании, посвященном композициональной семантике как формализованному описанию языка, указывает, что понятие значения удается определить однозначно лишь в том случае, если установлено, как должна выглядеть теория значения (Gloning 1996). Другие анализируемые в данном разделе работы не объединены общим стержнем: обсуждаются проблемы синтаксической семантики (Glinz 1995; Engel, Rytel-Kuc 1995) и лексической семантики, например, варьирование цитируемых формул (Schmidt 2000), семантика наименований человека (Braun 1997; Lang 2000). Данный раздел, содержащий анализ современных семантических теорий, представляет интерес, так как в нем репрезентируются работы известных зарубежных лингвистов, не переведенные на русский язык.

В главе “Словообразовательное значение” обращает на себя внимание оригинальностью авторской трактовки раздел “Словообразовательное значение в ономаσιологическом аспекте”. В интерпретации автора за ономаσιологией остается план референции языковых знаков, иными словами, здесь рассматриваются проблемы отражения внемаркаторских

объектов в сознании индивида и соотношения понятия как единицы сознания с внутримаркаторской сущностью – значением. К номинации Г.В. Колпакова относит языковую технику номинации, типы и классификации номинативных единиц. Важен вывод автора о значимости ономаσιологического подхода к словообразовательным явлениям: ономаσιологический подход к анализу словообразовательной деривации “позволяет расширить рамки дескриптивного описания словообразовательной системы, связать словообразовательные явления с номинативной, познавательной-классифицирующей и коммуникативной деятельностью человека” (с. 134). Углубленный интерес исследователей к ономаσιологическим процессам, справедливо утверждает автор, обусловлен расширением спектра проблем, составляющих предмет изучения современной когнитологии и семантических теорий. Новизной, глубиной интерпретации отличается трактовка Г.В. Колпаковой ономаσιологических процессов в трех аспектах: ономаσιологическом, когнитивном – с позиций познающего мир субъекта – и лингвистическом.

Автору рецензируемой монографии Г.В. Колпаковой удастся привлечь внимание читателя к наиболее актуальным проблемам когнитивной семантики, избрав в качестве объекта анализа оригинальные когнитивные семантические теории немецких лингвистов. Г.В. Колпакова стремится сохранить логику научного изложения, свойственную немецким лингвистическим работам, не популяризируя, пытается воссоздать в монографии атмосферу научного поиска решения сложных семантических проблем, обсуждаемых немецкими исследователями, задается целью ввести читателя в новый неожиданный мир семантического когнитивного пространства иного языка, вызвать у читателя неподдельный интерес, что автору рецензируемой монографии в полной мере удалось. Это глубокое серьезное теоретическое исследование современных теорий когнитивной семантики немецких лингвистов является одним из первых опытов изложения концепции развития семантических учений на современном этапе в немецкой лингвистике.